

Катехуменат в истории Церкви

Подготовка ко крещению в Новом Завете

Одну из наиболее интересных страниц в богослужебной и пастырской деятельности Церкви представляет собой катехуменат, т. е. подготовка взрослых к сознательному принятию Таинства Крещения.¹ Являвшийся одним из основных направлений пастырской деятельности и имеющий богатую традицию, этот институт может считаться образчиком того, как серьезно и ответственно христианская Церковь относилась к принятию в свое лоно новых членов. Обращаясь к миру с проповедью, она не останавливалась только на таком способе свидетельства о спасении во Христе, а с течением времени создала специальную систему, способствовавшую принятию благовестования, — особо структурированный и разработанный период «обучения», когда желающий принять крещение знакомился с христианской верой не только интеллектуально, но и деятельно, участь прежде всего жить по-христиански.

В тексте Нового Завета мы не находим катехумената как особого церковного института с определенной продолжительностью. В описании апостольской миссионерской деятельности после дарования Св. Духа в Пятидесятницу мы неоднократно встречаем описания совершения крещения (Деян. 2, 14—41; 8, 26—40; 9, 9—18; 10, 1—48), однако во всех этих случаях речь идет о «спонтанном» и глубоко сердечном принятии христианской веры, после чего практически сразу следует крещение.

Однако уже христианские писатели древности видели в этих текстах те основные элементы, которые позже появятся в развитом институте катехумената. Так, Тертуллиан пишет о крещении эфиопского евнуха: «Если Филипп так поспешно крестил евнуха, то надо помнить, что здесь было явлено неприкрытое одобрение Господа. Святой Дух предписал Филиппу направиться именно этим путем. Да и сам встреченный евнух не был человеком праздным, который ни с того, ни с сего возжелал креститься, но, погруженный в Священное Писание, направлялся на молитву в храм. Ему надлежало быть обретенным [для Бога]; а сверх того Бог послал ему апостола, которому опять же Дух приказал приблизиться к колеснице евнуха. Писание вовремя поддерживает его веру, он принимает ободрение [Филиппа], Господь являет, вера не медлит, вода не заставляет себя ждать, апостол, совершив свое дело, исчезает».² Действительно, если внимательно прочесть текст о крещении евнуха, то мы видим, что он уже внутренне предрасположен к принятию веры, т. к. он возвращается из паломничества в Иерусалим и изучает Ветхий Завет (Деян. 8, 27—28), причем качество его внутреннего расположения прямо

¹ Практике крещения детей будет посвящена отдельная статья.

² Тертуллиан, *De bapt.* 18. Подобным образом это место толкует и блаж. Августин, *De fide et op.* 9,14.

подтверждается Самим Богом (8, 29). Здесь есть научение, подготовка к принятию крещения, когда Филипп, отвечая на вопрос евнуха о пророческом тексте, «благовествовал ему об Иисусе» (8, 34), т. е. это своего рода библейский катехизис. Далее, только после исповедания евнуха «верую, что Иисус Христос есть Сын Божий» (8, 37) апостол крестит его. Несмотря на то, что это событие особенное, оно тем не менее происходит по схеме, которая впоследствии ляжет в основу катехумената.

Итак, основным допуском ко крещению в Новом Завете является вера, причем это не просто вера в Бога как Творца мира (в это верили и язычники) и даже не в Бога Ветхого Завета (как иудеи), и уж совсем не в то, что «что-то Высшее существует» (как многие верят сейчас), но в Иисуса Христа как Сына Божия (1 Фесс. 1, 9—10), Распятого и Воскресшего. Если мы взглянем на крещение в день Пятидесятницы, то в центре апостольской проповеди (Деян. 2, 14—36) здесь находится именно провозглашение Воскресения Христова. Эта вера принимается слушателями ап. Петра, однако она не остается просто интеллектуальной, а требует действия, отсюда их вопрос «Что нам делать?» (Деян. 2, 37; ср. Деян. 16, 30; 22, 8—10). После этого апостол Петр «многими словами свидетельствовал и увещевал» (Деян. 2, 40), т. е. катехизически подготавливал уверовавших ко крещению, которого они вскоре после «принятия слова» (2, 41) сподобляются. Эти две стадии, которые можно условно назвать евангелизацией и катехизацией (являющейся более конкретной формой, своего рода ответом на вопрос «Что нам делать?»), мы будем встречать неоднократно и в более позднее время.

В крещении сотника Корнилия еще более отчетливо встречаются те же идеи. Здесь есть свидетельство о кандидате как о «муже добродетельном и боящемся Бога» (Деян. 10, 22), что подтверждается и другими «гарантами»: ангелом (10, 31) и иудейской общиной (10, 22). После подготовки ко крещению (пост и молитва Деян. 10, 30 — то же самое перед крещением Савла (Деян. 9, 9—11)) на просьбу о катехизации («послушать речей твоих» 10, 22) следует собственно проповедь о Христе и Его Воскресении (10, 36—41). В качестве знака принятия веры язычниками в данном случае необходимо особое свидетельство Божие (ср. Деян. 15, 8) — послание Духа Святого (Деян. 10, 44; 11, 15). Получив это свидетельство, ап. Петр совершает крещение.

Часто на описание крещения в день Пятидесятницы, крещения эфиопского евнуха и сотника Корнилия ссылаются, пытаясь оправдать практику совершения крещения без какой бы то ни было катехизической подготовки. Однако налицо ряд принципиальных расхождений между апостольским веком и сегодняшними пастырскими реалиями.

Прежде всего необходимо помнить о том, что первоначально проповедь апостолов была обращена именно к иудеям (Деян. 2—15), и именно в синагогах начинали они свою проповедь, приходя в тот или иной город. Поэтому их слушатели уже были знакомы с Божественным Откровением книг Ветхого Завета, верили в единого Бога — Творца мира, через обрезание и ежедневную молитву принадлежали к израильскому народу как богослужебному сообществу и тем самым в известной мере состояли в Завете с Богом и, как и каж-

дый иудей, ожидали пришествия Мессии, предсказанного пророками. У слушателей апостолов уже было основание, на котором могло быть воздвигнуто здание веры в Иисуса Христа как Распятого и Воскресшего Мессию. Наиболее ярко мы видим подобное построение проповеди у ап. Петра в день Пятидесятницы (Деян. 2, 14—36). Христианство было исполнением всех ветхозаветных прообразов, и только во Христе они приобретали истинный и непреходящий смысл.

И язычники, к которым обратили свою проповедь апостолы после Собора в Иерусалиме (Деян. 15), легитимировавшего эту деятельность, не были «неверующими» в сегодняшнем смысле этого слова. Они не были атеистами, признавая наличие множества божеств, верили в тварность мира и отрицали его материальную самодостаточность. Многие из них были посвящены в мистериальные культы, начавшие активно проникать в римскую империю с Востока после завоеваний Александра Македонского, основа которых заключалась в мистико-ритуальном соединении с тем или иным божеством (часто — умирающим и воскресающим). Таким образом и здесь в известной мере была подготовлена почва, пав на которую, семена апостольской проповеди дали богатые всходы — многочисленных членов молодой христианской Церкви.

Также необходимо принять во внимание, что сами апостолы рассматривали свою деятельность во многом в эсхатологической перспективе, когда времени для долгой подготовки ко крещению просто не было: они совершали длительные миссионерские путешествия, а особые благодатные дары, существовавшие в Церкви в начале ее распространения, восполняли недостаток длительной подготовки. Когда же эсхатологические чаяния стали ослабевать, появилась не только возможность, но и необходимость институализации подготовки ко крещению.

Итак, мы встречаем в текстах Нового Завета следующую схему: проповедь Евангелия, его принятие и крещение. Эта неразрывная связь между научением и крещением основана на словах Воскресшего Спасителя: «идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет» (Мк. 16, 16). О ней же говорят многие другие новозаветные тексты: «Послушанием истине чрез Духа очистивши души ваши к нелицемерному братолюбию ... как возрожденные не от тленного семени, но от нетленного, от слова Божия, живого и пребывающего во век ... А это есть то слово, которое вам проповедано» (1 Пет. 1, 22—25); «Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее, чтобы освятить ее, очистив банею водною, посредством слова» (Еф. 5, 26) и др. Эта связь видимо выражалась в диалоге между проповедующим и катехизируемым, вопрошении об искренности и полноте принятии веры, исповедании ее по определенной форме (позднее отсюда возникнут крещальные Символы веры) и научении собственно нормам христианской жизни.

Иудейская и ессейская практика приема новых членов

Христианство возникло в лоне иудаизма, поэтому представляется важным и интересным кратко рассмотреть подготовку к переходу прозелита в иудаизм в I—II вв. Р. Х. Это позволит лучше понять институт христианского катехумената во II—III вв.

Переход прозелита-мужчины в иудаизм совершался через обрезание и особое ритуальное омовение, женщины — только через омовение. Хотя первые письменные свидетельства об этом ритуале имеются только с первой пол. II в., большинство исследователей полагает, что эти тексты отражают практику I в., т. е. современную раннему христианству. Нам интересно прежде всего то, что происходило перед совершением обряда. Тексты говорят о серьезном испытании, во время которого не один, а два или три раввина (ср. Втор. 19, 15) в качестве руководителей общин пытались выяснить причины перехода в иудаизм. Они не только проверяли серьезность намерений прозелита, но даже пытались отговорить его, напоминая о преследовании иудеев языческими войсками (речь идет о периоде времени после разрушении Храма в 70 г. Р. Х.): «Желающего стать прозелитом не подобает принимать сразу же, но должно спросить его: „Почему ты хочешь стать прозелитом? Разве ты не знаешь, что Израиль ныне преследуем, притесняем, угнетаем и уничтожаем и что страдания поражают его?“ Если он ответит: „Я знаю и недостоин“, то он тотчас принимается».³ После этого следовало научение предписаниям ветхозаветного Закона, причем особенно делался упор на наказания за их невыполнение, после чего происходило собственно обрезание и омовение.

Также интересна практика приема в общину ессеев, т. к. некоторые исследователи полагают, что после разрушения Храма многие из них перешли в христианство и могли оказать определенное влияние на его богослужебную практику. Желающий вступить в общину должен был провести один испытательный год, во время которого он учился новому образу жизни, пребывая еще вне общины: «Кандидат, желающий присоединиться к их секте, допускается не сразу. В течение года, оставаясь вне братства, они предписывают ему свои правила жизни, давая ему маленький топорик, ... льняную одежду и белое одеяние».⁴ Затем в течение двух лет он был послушником, имея возможность принимать в некоторых, но еще не во всех обрядах общины. Т. о. человек подвергался проверке, прежде всего в отношении его нравственной жизни. Только после этого он становился полноправным членом общины через омовение. Интересно, что период подготовки продолжительностью в три года еще встретится нам в начале III в. у христиан Рима. Документы Кумрана дополняют эту картину, свидетельствуя, что переход от первого ко второму периоду подготовки требовал решения всей общины, каждый из двух лет но-

³ Герим I. В том же трактате мы считаем. Тот же трактат Герим I говорит: «Переходящий в иудаизм из-за любви к женщине, или из-за желания угодить или из-за страха, это не прозелит, ибо только тот прозелит, кто переходит в иудаизм из-за любви к Богу».

⁴ Иосиф Флавий, Иудейская война, II, 137-138.

вициата оканчивался испытанием кандидата, а принятие в общину происходило по решению наиболее влиятельных ее членов. Искренность обращения была очень важна, и одно из правил говорит о лицемерах следующее: «Да не входит такой человек в воду для получения очищения мужей святости, ибо не очищается тот, кто не отвратился от зла, ибо он нечист среди всех преступающих Его слово».⁵

Если мы вспомним, что христианская Церковь в Иерусалиме в первое время во многом следовала богослужебной ветхозаветной традиции (Деян. 2—15), то иудейская практика приема прозелитов не могла не оказать некоторого влияния на возникновение христианского катехумената. Конечно, о прямом перенятии здесь говорить сложно, но в иудео-христианской среде оно безусловно могло существовать.⁶ Если раввины так ответственно относились к вступающим в Ветхий Завет, насколько более серьезным должно было быть отношение к такому дару Божию, как вступление в Завет Новый. Так, к занимающим определенные должности внутри христианской общины предъявлялись определенные требования, до их призвания к служению требовалась определенная подготовка и свидетельство общины об их достоинстве (1 Тим. 3, 2—12; 5, 9—11). Поэтому логично предположить, что и перед принятием крещения существовала подобная практика испытания и научения. Т. о. можно сделать вывод, что хотя в I в. катехуменат еще не существовал в качестве устоявшегося института, но он был уже реальностью, по крайней мере потенциально мы находим в тексте Нового Завета все основные богословские (частично и ритуальные) моменты, которые затем были раскрыты и реализованы в Церкви. Это — своего рода семена, из которых позже появился плод христианской пастырско-литургической практики катехумената.

Формирование системы катехумената во II—III вв.

До 313 г. внешние условия существования христианской Церкви являлись очень сложными: число ее последователей в языческого мире в процентном отношении было не слишком большим, она не имела никаких юридических прав, время от времени власти начинали жестокие гонения. На первый взгляд кажется логичным, что христиане должны были бы сразу же принимать в члены общины любого выразившего такое желание, чтобы обеспечить количественный рост своих общин и тем самым способствовать христианизации общества. Однако Церковь пошла по принципиально иному пути и создала детально разработанный пастырский институт катехумената, направленный прежде всего на *качественную* подготовку каждого желающего приступить к Таинству крещения. Именно во II—III вв. происходит структуризация катехической подготовки и она получает свою полностью законченную форму.

⁵ Правило 5,13-14.

⁶ Одно из свидетельств этого – употребление выражения «прозелит Христа» для обозначения христианских катехуменов в текстах II-III вв. (См. Lampe, *A Patristic Greek Lexicon*, p. 1171).

В отношении кандидатов ко крещению Церковь действовала так прагматично, понимая, что первый порыв новообращенных был зачастую лишь порывом, который мог исчезнуть так же быстро, как и появился. Поэтому обращенные требовали научения и испытания для истинного вступления на путь духовного роста, прежде чем они сознательно становились членами Церкви. Основной акцент делался здесь на нравственное обращение, на изменение образа жизни как выражение внутреннего обращения к Богу.

Взглянем на тексты христианских авторов того времени и попытаемся выявить в них не только формы катехумената, но и богословские мотивы такой пастырской практики. В Северной Африке в начале III в. Тертуллиан († после 220 Р. Х.) пишет, что крещение является «печатью веры» («*obsignatio fidei*»⁷), из чего следует, что эта вера возникла и укрепилась еще до принятия Таинства. Омывание в святых крещальных водах — это в известной мере завершение, высшая точка процесса принятия веры во Христа иудеем или язычником. «Воды крещения являются печатью веры, но ее начало — в искреннем покаянии ... Мы не омываемся, чтобы перестать грешить, но потому, что мы уже перестали. Мы уже омыты в сердцах наших, это — практически первое крещение слушающих (Слово)».⁸ Он же говорит о том, что вопрос о готовности ко крещению решается не самим крещаемым, а специально поставленными для этого членами общины: «Впрочем те, чьей обязанностью является совершение крещения, знают, что его не следует совершать необдуманно»⁹.

Подобные свидетельства мы встречаем и в Палестине у Оригена († 254 Р. Х.). Он подчеркивает, что Таинство крещения является даром Божиим, но для того, чтобы он стал по-настоящему действенным, должно произойти действительное изменение жизни в свете учения Христова принимающего его человека. «Желающие принять крещение и получить благодать Духа, очиститесь прежде по закону. Прежде, выслушав Слово Божие, искорените ваши обычные пороки и оставьте ваши варварские обычаи, чтобы, облекшись в кротость и смирение, вы смогли бы принять Святой Дух»¹⁰. Он настойчиво подчеркивает необходимость деятельного покаяния и надлежащего руководства перед принятием Таинства: «Придите, катехумены, покайтесь для принятия крещения во оставление грехов. Тот принимает крещение во оставление грехов, кто перестает грешить. Если же некто приходит ко крещению, продолжая грешить, оставления грехов он не получит. Поэтому я прошу вас не приступать ко крещению без тщательного исследования и глубокого рассуждения, покажите прежде достойный плод покаяния (ср. Лк. 3, 8). Пребудьте некоторое время под добрым руководством, избегайте всякого порока и непотребства и так вы получите отпущение грехов, когда начнете презирать грехи ваши»¹¹.

⁷ О покаян. 6,16; О идол. 10,6,12.

⁸ О покаян. 6,16-17.

⁹ О крещен. 18,1.

¹⁰ Проповедь на Лев. 6,2.

¹¹ Проповедь на Лк. 21,4.

В свете таких богословских взглядов совершенно понятно, что христианская Церковь должна была создать особый подготовительный период ко крещению, во время которого кандидат смог бы действительно изменить свою жизнь согласно новой вере так, чтобы принятие Таинства не стало проформой: «Внимайте, катехумены, слушайте и извлекайте пользу из того, что я говорю для вашей подготовки, ибо вы еще не крещены. Прийдите к источнику, омойтесь для спасения; не довольствуйтесь лишь омовением подобно некоторым, не омывшимся для спасения, принявшим воду, а не Святой Дух, ибо омывшиеся для спасения принимают вместе с водой и Святой Дух»¹².

Катехуменат стал не только и не столько официальным церковным институтом, сколько формой пастырской деятельности, которая очень быстро распространялась во всем частям империи и была признана христианской Церковью как наиболее подходящий для того времени путь подготовки обращенных ко крещению.

Уже в конце I в. «Дидахи» — документ, возникший, вероятно, в Сирии — свидетельствует о наличии определенного периода катехизической подготовки. Первые шесть глав текста представляют собой учение о «двух путях»: пути жизни, заключающемся в совершении добрых дел и ведущем к Богу, и пути смерти, которым следуют нечестивые. В начале 7 главы мы читаем: «преподав наперед все это вышесказанное, крестите во имя Отца и Сына и Святого Духа...»¹³. Т. о. крещение должно было совершаться только после научения тому образу жизни, который подобает желающим присоединиться к христианской Церкви. В середине II в. мы встречаем в «Пастыре Ермы» образное представление Церкви в виде башни, некоторые камни которой означают «тех, которые слышали Слово и желают креститься во имя Господа».¹⁴ Св. Иустин Философ († ок. 165 Р. Х.) в своей 1 Апологии, описывая совершение крещения, говорит следующее: «Я коснусь и того, как мы посвящаем себя Богу, когда мы обновились через Христа; иначе, если я опущу это, описание наше будет неполным. Когда многие убеждаются и веруют в истинность того, о чем мы говорим и учим, и пытаются жить согласно этому, мы учим их поститься и молиться Богу об оставлении их прошлых грехов; мы также молимся и постимся с ними. Затем их приводят к месту, где есть вода, и они возрождаются так же, как возродились и мы».¹⁵

В текстах св. Иустина можно выделить ряд критериев допуска ко крещению. Прежде всего это искреннее раскаяние в грехах, т. к. крещение совершается «во оставление грехов».¹⁶ Настаивая на этом, он приводит часто используемые впоследствии свв. отцами в своих катехизических беседах слова пророка Исая: «Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло; научитесь делать добро» (Ис. 1, 16—17).¹⁷ Да-

¹² Проповедь на Изек. 6, 5.

¹³ Дидахи 7,1.

¹⁴ Вид. 3,2,9 и 7,3.

¹⁵ 1 Апол. 61.

¹⁶ 1 Апол. 66,1.

¹⁷ 1 Апол. 61,6-9.

лее у человека должны быть вера в Церковь как в учительницу истины, и, как следствие, принятие полноты ее учения.¹⁸ Это требование очевидно предполагает некое более или менее продолжительное наставление в истинах веры, т. к. без этого знание церковного учения невозможно. Наконец, необходимо изменение жизни, т. к. человек должен «стараться жить согласно этому (т. е. христианской вере)».¹⁹ И этого нельзя было исполнить без определенного периода времени, совпадавшего с временем научения. Крещение, как и Евхаристия, преподавались только живущим так, «как заповедал Христос»²⁰.

После такой подготовки кандидат, как мы видим из приведенного текста св. Иустина Мученика о совершении крещения, должен был пройти еще один интенсивный «предкрещальный» период подготовки. Уже в Дидахи мы читаем следующее предписание: «перед крещением пусть постятся крещающий и крещаемый, а также те, кто могут это делать. Пусть крещаемый постится один или два дня».²¹ Из свидетельства св. Иустина мы видим, что многие члены общины в то время также постились и молились (вероятно, здесь подразумеваются особые богослужебные собрания) вместе с приступающим к Таинству крещения.

У того же св. Иустина мы находим свидетельство о том, что проповедью христианства и катехизаторской подготовкой занимались не только миссионеры, но и каждый христианин был вовлечен в приведение своих ближних к вере. «Некая женщина имела невоздержанного мужа, и сама она прежде была невоздержанной. Но, придя к познанию учения Христова, она стала здравомыслящей и пыталась убедить своего мужа быть, подобно ей, воздержанным, приводя учение Христово и убеждая его, что будет наказание в вечном огне».²² Не только клирики, но даже необразованные христиане проводили по своей инициативе огласительную работу: «У нас его (христианское учение) можно услышать и научиться ему от людей, которые даже не умеют писать, необразованных и безвкусных в речи, хотя мудрых и верующих в мыслях».²³

Проповедь христианства и катехизическое наставление т. о. могли совершаться в то время совершенно разными людьми довольно спонтанно и гибко. Некоторые христиане полностью посвящали себя делу научения христианской вере и открывали специальные «школы» по обычаю философов того времени. Чаще всего это были личные инициативы, а не церковные институты, где особо важным являлось активное участие мирян в деле проповеди Евангелия, т. к. клирики в силу своих многочисленных обязанностей не всегда могли осуществлять эту деятельность в необходимой степени.

Эту картину дополняют сведения из христианского Египта кон. II — нач. III вв. Согласно Евсевию Кесарийскому, в то время в Александрии существовало особое огласительное училище: «В это время обучением верую-

¹⁸ 1 Апол. 61,2.

¹⁹ Там же.

²⁰ 1 Апол. 66,1.

²¹ Дидахи 7,4.

²² 2 Апол. 2.

²³ 1 Апол. 60.

щих там руководил человек, известный своей образованностью, по имени Пантен. По древнему обычаю, в Александрии имеется училище, где преподается Священное Писание»²⁴. После его смерти руководство этой катехизической школой принял св. Климент Александрийский († ок. 215 Р. Х.).²⁵ В его трудах часто используется термин «катехумен» и отрывочно описывается катехизическая практика его училища того времени. Характерной здесь была интеллектуальная попытка выразить сущность христианского благовестия на языке современной греческой философии: «Образованным должен быть учитель, излагающий основные догмы. Это образование помогает убедить слушателей, вызывает восхищение катехуменов и направляет их к Истине».²⁶ «Использующий то, что (в эллинистическом образовании) является полезным для научения катехуменов не должен использовать все свои знания, чтобы с их помощью, насколько это возможно, помочь слушателям».²⁷ Катехизические наставления должны были способствовать росту веры: «Катехизис постепенно ведет к вере, а вера в момент крещения принимает наставления Святого Духа».²⁸ «Апостол называет «духовными» тех, кто уже получил веру Духом Святым, «плотскими» же — с недавних пор катехизируемых, которым еще предстоит получить очищение (в крещении)».²⁹

Это катехизическое научение не было просто интеллектуальным получением новой информации. Св. Климент подчеркивает, что разница между крещенными и оглашаемыми заключается в том, что последние только «хотят» жить по-христиански, а верующие, принявшие Таинство крещения, уже имеют «силу» для такой жизни. Несомненно, кандидатов не допускали ко крещению, пока не была выяснена серьезность их намерений: «Некоторые уже, желая, имеют силу поступать так, развив это упражнением и очистившись; другие, хотя еще и не способны, имеют по крайней мере стремление... Определенно, действия не судятся только по исполнению, но в соответствии со свободным намерением каждого. Был ли выбор легким? Было ли покаяние в грехах? Познал ли он свои падения? Осознал ли он их?»³⁰.

Период времени, необходимый для этого, продолжался согласно святителю, три года после «записи имени» в число катехуменов: «(Закон) не позволяет собирать несовершенные плоды с несовершенных деревьев, но (повелевает) после трех лет первые плоды урожая должны быть посвящены Богу (Лев. 19, 23—24), когда дерево достигло совершенства. Такой земледельческий образ может послужить уроком: он учит нас необходимости очищения наростов прегрешений и бесплодного роста мысли, которая вместе с естественными плодами растет до тех пор, пока новый вид веры не приобретет свой совершенный объем и твердость. Именно в четвертый год — ибо для

²⁴ ЦИ V,10,1.

²⁵ ЦИ VI,6,1.

²⁶ 1 Стром. 19,4.

²⁷ 6 Стром. 89,1-2.

²⁸ Педаг. 1,30,2.

²⁹ Педаг. 1,36,3.

³⁰ 2 Стром. 26,4-5.

основательной катехизической подготовки требуется время — четверица добродетелей посвящается Богу».³¹ Конечно, александрийское огласительное училище было также открыто для язычников и новокрещенных, которые вместе с катехуменами слушали поучения, одно упор делался именно на систематическую подготовку последних.

Наряду со словом «катехумен»³² для обозначения готовящихся ко крещению применялись и другие термины. Наряду с уже упоминавшимся выражением «прозелит Христа», свв. отцы (напр., св. Киприан Карфагенский, св. Климент Александрийский) называют оглашаемых «слушающими» («*audiens*», «*auditor*»). Очень интересным является использование военной латинской терминологии в отношении катехумената, которое противопоставляет выражения «рекрут» (« *tiro* ») для обозначения катехумена и «солдат» («*miles*»), т. е. крещеный христианин. Это именно то различие между «оглашенными» и «верными», которое подчеркивает Тертуллиан, критикуя практику секты маркионитов: «Прежде всего, неясно, кто здесь оглашенный, а кто верный — вместе входят, вместе выходят, вместе слушают, вместе молятся, ведь и язычникам, если придут, бросят святыню псам и жемчуг свиньям, — пусть и не настоящий. Оглашенные у них прежде становятся верными, чем научаются (вере)».³³ В своем труде «О покаянии» он же обозначает кандидатов ко крещению военным термином «новички» («*noviciol*»)³⁴. Такое же четкое разделение между молодым новобранцем, находящимся в «учебке» и солдатом, уже принявшим присягу и получившим «печать»³⁵, мы находим и у Коммодиана, также жившего в Африке в III в. В своих «Наставлениях» он обращается к катехуменам: «Все верующие во Христа, оставившие идолов, ради вашего спасения утешаю вас несколькими словами. Если раньше вы жили во грехе, посвятите себя отныне Христу, оставив все прошлое, и, ибо вы знаете Бога, будьте хорошими новобранцами, (станьте) опытными солдатами».³⁶ По окончании периода катехумената кандидаты составляли группу «намеревающихся приступить ко крещению» («*ingressuri baptismum*»). Они проводили определенный период времени (может быть, неделю) в молитве, бдении и посте: «Тем, кто собирается креститься, нужно к этому подготовиться частыми молитвами, постом, коленопреклонениями, бдением и исповеданием всех прошлых своих грехов ... Итак, благословенны вы, кого ожидает благодать Божья, когда выходите из этой священной купели нового рождения и впервые молитвенно простираете руки вместе с братьями к Ма-

³¹ 2 Стром. 95,3-96,2.

³² Это редко употреблявшееся в античности слово становится у ап. Павла *terminus technicus* для обозначения «наставления во Христе» (см. Гал. 6,6 и др.).

³³ De praesc. 41,2.4.

³⁴ О покаян. 6,1.

³⁵ В древности солдаты часто после принятия присяги получали клеймо в качестве знака своей принадлежности воинскому соединению или императору.

³⁶ Наставления II,5.

тери (Церкви); просите у Отца, просите у Господа, чтобы и вам даны были сокровища благодати, уделены дары».³⁷

Катехуменат по «Апостольскому Преданию» св. Ипполита Римского

Все рассмотренные нами ранее богословские воззрения христианских авторов на катехуменат не были простым теоретизированием. Дошедшее до нас «Апостольское Предание» св. Ипполита Римского, возникшее ок. 215 г.,³⁸ наглядно показывает, как выглядел катехуменат начала III в. в Риме, поэтому мы более подробно рассмотрим этот документ.

«Приводящие» желающих стать христианами в общину, т. е. осуществившие первичное ознакомление язычников с христианством (вероятно, через контакт в повседневной жизни), являлись своего рода «крестными родителями». Именно они осуществляли посредническую функцию между проявившими интерес к христианству и руководством христианской общины — «учителями», которые встречали пришедших. Сразу же бросается в глаза, что даже прием в катехуменат согласно тексту был селективным. Именно эти «doctores» (вероятно, специально назначенные члены общины, несшие особое служение подготовки катехуменов в общине) должны были решить, кто из пришедших может «слушать Слово учения».³⁹ Первый вопрос «учителей» был «о причине, вследствие которой они обращаются к вере». Здесь было важно и свидетельство «приведших» об искренности обращения «приведенных» как впервые проповедавших им христианство: «И те, которые их привели, пусть засвидетельствуют, что приведенные готовы к слушанию Слова» (гл. 15). Следующий шаг — это контроль семейного, общественного и профессионального положения новоприведших (гл. 15—16).

Сначала исследовали положение рабов, т. к. переход несвободных в христианство был сложнее, чем обращение обычных римских граждан. Если хозяин такого пришедшего раба был христианином, то нужно было положительное свидетельство господина, а также его разрешение для «слушания Слова». Если же хозяин был язычником, то учителя должны были научить новоприведшего «быть приятным своему господину, чтобы не возбудить злословия», т. е. в этом случае воля раба являлась единственно определяющей.

Что касается семейной ситуации, то само собой разумеется, что кандидат должен был жить в законном моногамном браке. Мужчину, живущего незаконно с женщиной, «пусть учат не развратничать, но принять жену по закону», т. е. жениться на ней. Однако делалось исключение, если пришедшая — рабыня, живущая со своим господином без заключения законного брака (который по римским законам того времени был невозможен, если владелец не давал ей свободу), имеющая от него детей и воспитывающая их; от нее не требовалось прекратить эту связь и она могла быть допущена в катехуменат.

³⁷ О крещ. 20,1.5.

³⁸ Русский перевод в БТ 5, с. 283-296 (катехуменат гл. 15-20).

³⁹ „Audire verbum doctrinae“ в отличие от последующего „audire evangelium“ во время непосредственной подготовки ко крещению.

Наиболее подробные предписания мы встречаем в отношении рода занятий кандидатов. Это длинный список профессий, которые были запрещены для становящихся катехуменами ввиду их несовместимости с христианским вероучением и нравственностью. Здесь присутствовала известная дифференциация: одни вообще не могли быть приняты, другие должны были сменить свой род деятельности, третьих можно было допустить с некоторыми оговорками. В списке легко различить три основных греха, против которых выступало христианство: идолослужение, убийство и блуд.

Языческий жрец, «страж идолов», чародей, заклинатель, астролог, прорицатель, истолкователь снов, изготавливающий амулеты должны были прекратить свою деятельность, «либо пусть будут отвержены». Скульптор или художник не должен был изготавливать изображения идолов. К этому же разряду относили профессии актера и учителя, что на первый взгляд странно. Однако если мы вспомним, что в театре в основном разыгрывались представления из жизни греко-римских богов, а «школьная программа» того времени основывалась на изучении текстов классических авторов, в которых центральной темой была та же мифология, то этот запрет понятен. Однако в отношении учителей все же делалось послабление: «Кто учит детей, то хорошо, если прекратит это, если же он не имеет ремесла, то пусть будет дозволено ему».

К запрещенным занятиям, связанным с убийством, текст относит гладиаторство и бои на арене со зверями. Мы также читаем очень строгое предписание относительно воинской службы: «Воин, находящийся под властью, пусть не убивает человека. Если ему приказывают, пусть не выполняет этого и не приносит клятвы. Если же он не желает, будет отвержен... Оглашенный или христианин, желающие стать воинами, да будут отвержены, потому что они презрели Бога». Здесь же запрещается занимать и высокие должностные посты: «Кто является военачальником или городским магистратом, кто носит пурпуровую одежду, пусть прекратит это, либо будет отвержен». С одной стороны, эти занятия тем или иным образом были связаны с лишением человека жизни, с другой — и солдат при принесении присяги, и государственный чиновник при вступлении в должность должны были приносить жертву идолам.

Совершенно естественно, что блудница, «человек любострастный» и «всякий, занимающийся делами, о которых непристойно говорить» отвергались, а содержащий публичный дом должен был оставить это занятие.

Конечно, в тексте не могли быть перечислены все запрещенные для желающих стать христианами профессии, поэтому 16 глава «О делах и занятиях» заканчивается словами: «Если мы что-либо упустили, то дела сами научат вас. Ибо все мы имеем Дух Божий». Из рассмотренного списка видно, насколько серьезно христианская Церковь относилась к приему в свои ряды новых членов. Характерно, что все эти предписания относятся не к прини-

мающим крещение, а только к желающим вступить на путь многолетней катехизической подготовки!⁴⁰

После того, как были урегулированы все упомянутые обстоятельства, начинался собственно период «слушания Слова», продолжавшийся, согласно тексту, три года.⁴¹ Конечно, это приблизительное время, т. к. крещение совершалось лишь в определенные дни года,⁴² и этот срок также мог быть уменьшен ввиду усердия кандидата: «Если же кто усерден и совершает добрые дела, то пусть принимается во внимание не время, а само поведение, которое только и должно обсуждаться». В связи с такой длительной продолжительностью подготовки и многочисленными гонениями на христиан логически возникал вопрос: что будет, если катехумен умрет, не успев принять крещение? Текст отвечает на это следующее: «Если оглашенный будет схвачен за имя Господне, то пусть он не сомневается в полноценности своего свидетельства. Если же ему было причинено насилие и он был замучен, когда его грехи не были еще отпущены, то он будет оправдан. Ибо он принял крещение своею кровью» (гл. 19). Т. о. даже в сложных условиях того времени и постоянной смертной опасности Церковь не крестила пришедших сразу же, но непреклонно следовала принципу как можно лучше подготовить своих будущих членов.

Согласно тексту, руководители катехизаторских групп (*doctores*) должны были не только преподавать вероучительные и нравственные истины,⁴³ но и заканчивать каждое такое занятие молитвой с возложением рук на голову каждого кандидата. Интересно, что это делали не только клирики, но и миряне, занимавшиеся катехизацией.

Разница в положении оглашенных по сравнению с полноправными членами общины подчеркивалась тем, что кандидаты должны были молиться отдельно от верных, а во время богослужбных собраний они «не дают друг другу лобзание мира, ибо их лобзание еще не свято». Даже во время агапы

⁴⁰ Ок. 300 г. в Испании Эльвирский Собор также приводит список профессий, от которых надо было отказаться, чтобы быть принятым в катехуменат, среди которых проституция (прав. 44), скачки и актерство (прав. 62). Согласно тексту правил этого собора существовал особый обряд принятия, заключавшийся в возложении рук, после чего человек «становился христианином» (прав. 39).

⁴¹ Эльвирский Собор говорит о двухлетнем научении за исключением случаев болезни (прав. 42). За тяжелые проступки катехуменат мог быть продолжен до трех (прав. 4), пяти (прав. 73) лет или даже до момента смерти (прав. 68).

⁴² Что касается дней крещения, то хотя текст ничего не говорит нам об этом, из слов Тертуллиана (О крещ. 19,1-2) мы видим, что наиболее предпочтительным был день Пасхи и следующие за ним 50 дней пасхальной радости. Однако он добавляет: «Впрочем, всякий день есть день Господень; всякий час, всякое время удобно для крещения: если в отношении торжественности и есть различие, то для благодати это не имеет значения».

⁴³ Текст ничего не говорит о тематике катехизических занятий, но как видно из трудов христианских писателей того времени, прежде всего из творений Оригена, они, вероятно, строились прежде всего на изучении текста Священного Писания Ветхого и Нового Завета.

оглашенным давалась не «евлогия» — благословленный епископом хлеб — а особый «хлеб заклинания» (гл. 26).

Трехлетний срок проходил и для оглашенных начинался еще один период, теперь уже непосредственной подготовки ко крещению. Критерием для выбора достойных являлся образ их жизни, точнее, его изменение к лучшему за период катехумената. Решение о допуске ко крещению принималось за несколько недель до этого дня, а ответственными за это были проводившие катехизацию «учителя». Исследование жизни включало в себя двойной аспект: негативный — не поступал ли кандидат недостойно, и позитивный — какова была его практическая, диаконическая деятельность как выражение его обращения: «почитали ли вдов, посещали ли они больных, совершали ли добрые дела?». Интересно, что здесь принималось во внимание и свидетельство тех, кто несколько лет назад привел кандидатов в общину. Контакт между «крестными» и желающими креститься, очевидно, не прерывался, более того, «крестные» все эти годы сопровождали, наставляли и наблюдали оглашенных, поэтому именно к ним были обращены вопросы о жизни катехуменов. «И когда те, которые привели их, засвидетельствуют о каждом: „Он поступал именно так“, то пусть слушают Евангелие».

Из текста видно, что во время этого «испытания» речь шла не столько о знаниях, сколько о правильном поведении, об «обращении» как действительном и кардинальном изменении всего образа жизни согласно вере во Христа. В том случае, если поведение оглашенных оценивалось позитивно, они «избирались», происходило их «отделение» (*separatio*) от остальных катехуменов, т. е. никаких препятствий для их крещения не было. С этого момента они могли «слушать Евангелие»,⁴⁴ а их имена записывались в особый список «избранных», «отделенных» (*electi*).⁴⁵

С началом этого периода непосредственной подготовки ко крещению становилось более активным участие клириков в предкрещальной подготовке, которая выражалась прежде всего в неоднократных обрядах экзорцизма. Текст говорит нам, что на готовящихся ко крещению «ежедневно возлагают руки, когда закливают их». Возложение рук совершалось «учителем» после каждого катехизического занятия, однако ввиду непосредственной близости крещения интенсивность экзорцизма увеличивалась. Хотя текст использует пассивные формы глагола и тем самым не говорит, кто совершал этот экзорцизм, вероятно, это делал священник. Высшей точки это действие достигает за несколько дней до крещения, когда экзорцизм над каждым совершает сам епископ, «чтобы узнать — чист ли он. Если кто-нибудь из них не достоин или не чист, то он пусть располагается отдельно, так как не слушал Слово с верой, ибо невозможно, чтобы чужой укрывался всегда» (гл. 20). Наконец, последний экзорцизм совершался епископом утром перед пасхальным бдением, во время которого должно было совершиться крещение. «И, возлагая

⁴⁴ Возможно, здесь подразумевается их участие в Литургии оглашенных.

⁴⁵ Другие западные авторы используют термин «*competentes*», на Востоке их называли «просвещаемые» (φωτισόμενοι).

на них руку свою, пусть он (епископ) закликает всяких чуждых духов, чтобы они убежали от них и уже не возвращались в них. По окончании заклинания пусть он дует им в лицо и пусть осенит им лоб, уши и ноздри, и поднимает их» (гл. 20).⁴⁶

Для лучшего понимания этого чина надо четко различать раннехристианский экзорцизм катехуменов от экзорцизма «энергуменов» (т. е. одержимых, бесноватых). В основе первого лежало представление о том, что любой человек, не находящийся под властью Христа и не освобожденный от груза прежних грехов в Таинстве крещения, остается под властью «князя мира сего» — дьявола. К этому добавлялись принесенные язычником в течение всей его прошлой жизни жертвы идолам, который рассматривались как видимый знак такого господства. Освобождение от этих уз не было делом личного решения человека, оно осуществлялось не просто через пост и молитву, т. к. эта господствующая над ним сила была внеположна ему. Человек не мог сам полностью очиститься, чтобы приступить ко крещению, ему нужна была особая помощь силы Божьей. Поэтому Церковь оказывала ему особую духовную поддержку на этом пути, сопровождая оглашенного во время духовного роста и направляя его к одному из важных элементов крещального чина — отречению от сатаны.

Готовящиеся принять крещения должны были поститься перед принятием Таинства два дня.⁴⁷ Последнее наставление в отношении катехуменов: «И пусть они бодрствуют всю ночь, и да читается им, и да наставляются» (гл. 20). Возможно, что во время этого наставления им изъяснялся чин Таинства крещения, к которому они должны были приступить уже через несколько часов.

Итак, можно сделать вывод о том, что в III в. структура катехумената во всех центрах империи была одинаковой в своих основных чертах. С одной стороны это удивительно, если принять во внимание пространственную удаленность и разницу в культуре и обычаях, с другой стороны перед нами свидетельство того, что Церковь независимо от своего географического положения руководствовалась при приеме новых членов одними и теми же принципами. Однако наступил IV в. и ситуация с катехуменатом в Церкви резко изменилась.

Изменение ситуации в IV в.

Начало IV в. ознаменовалось для христианства принципиальным изменением характера отношений с государством. Из «нелегальной» религии христианская Церковь стала в 313 г. официально разрешенной, а впоследствии и получила привилегированное положение в Империи. Христиане впервые получили уникальную возможность открыто проповедовать и исповедо-

⁴⁶ О предкрещальном экзорцизме говорят и другие христианские авторы: Тертуллиан (Апол. 23,16), св. Киприан Карфагенский (Посл. 69,15 CSEL 3,764) и др.

⁴⁷ Сирийская Дидаскалия 21 говорит о шестидневном посте перед крещением. Постепенно из этого поста крещаемых перед их крещением на Пасху, а также поста с ними всей общины в IV в. возникает пост Четырехдесятницы.

вать свою веру, не опасаясь языческих гонений. Однако такое изменение ситуации вызвало и новые серьезные пастырские проблемы. Еще Ориген сожалел о прекращении гонений, так как они, по его мнению, способствовали формированию из катехуменов христиан действительно «высокого качества», которые в случае необходимости, не раздумывая, были готовы принять смерть за свидетельство о Христе: «Если судить по правде..., мы должны признать, что мы — не верные. Истинно верными были тогда, когда катехуменов катехизировали в среде мучеников и перед лицом смерти христиан, исповедавших истину до конца, когда эти катехумены, будучи движимы такими страданиями, без страха присоединялись к живому Богу... Конечно, верных было меньше, но они были истинно верными, следуя суровым и узким путем, ведущим в жизнь».⁴⁸ С наступлением «мира Церкви» качество, к сожалению, начало во многом уступать количеству.

Прежде всего, изменились причины обращения в христианство. Когда препятствия со стороны языческого государства, сопровождавшие вступление в катехуменат, начали исчезать, присоединиться к Церкви стало намного проще. Поэтому все чаще и чаще возникала неискренняя, в той или иной мере ложная мотивация при выражении желания стать христианином. Например, часто язычник обращался с просьбой о принятии в катехуменат, желая жениться на христианке. Хотя такой брак, конечно, вполне мог стать источником его обращения ко Христу и истинного личного вступления в Церковь, зачастую такие язычники просто «симулировали» наличие веры, которой у них на самом деле не было. Так, св. Кирилл Иерусалимский говорит о кандидатах ко крещению следующее: «Да не будет среди вас подобных Симону, да не будет лицемерия, да не будет праздного любопытства, желающего увидеть, что случится. Возможно, у вас были различные причины прийти сюда. Вполне возможно, что мужчина хочет продвинуться в своем ухаживании за христианкой, и для достижения этого он пришел сюда. И тоже можно сказать о женщинах. Или часто раб таким образом хочет угодить своему господину».⁴⁹ Не только рабы, но и свободные нередко желали угодить начальникам-христианам, занимавшим высокие государственные должности, поэтому крещение иногда становилось способом для скорейшего продвижения по служебной лестнице. Св. Амвросий Медиоланский резко выступает против этой практики: «И здесь некто, приходящий в Церковь, поскольку он желает почестей у христианского императора; он обращается за крещением с притворным уважением; он преклоняется, он простирается на землю, но он не преклоняет свои колена в духе».⁵⁰ Блаженный Августин также советует быть очень внимательным в отношении мотивов приходящих ко крещению: «Если он желает стать христианином в надежде получить какую-либо выгоду от людей, которым, как он думает, он не может иначе угодить, или избежать вреда от рук людей, нерасположенности или вражды которых он боится, в

⁴⁸ Ориген, Проп. на Иер. 4,3.

⁴⁹ Св. Кирилл Иерусалимский, Поучение предоголасительное 5.

⁵⁰ Св. Амвросий Медиоланский, Толкование на Пс. 118, 20, 48-49.

действительности он не хочет стать христианином, поскольку он желает лишь притворно казаться таковым... Хорошо, конечно, если возможно, наперед узнать от тех, кто его знает, о его образе мыслей и о причинах, которые заставили его прийти и принять (христианскую) религию... Если он пришел с лицемерными мотивами, желая лишь временных преимуществ, или думая избежать потерь, конечно, он будет лгать».⁵¹

Знаменательно, что для карьерного роста в то время не было необходимости проходить все время катехизической подготовки, а было достаточно уже внести свое имя в списки катехуменов, что являлось уже достаточным свидетельством «обращения» и видимым знаком желания принять крещение. Неудивительно, что наличие ложных мотивов при принятии христианства способствовало тому, что такие люди лишь вступали в катехуменат, вообще не желая в обозримом будущем принимать крещение. Поэтому одной из самых серьезных проблем катехумената в IV—V вв. стало откладывание крещения на неопределенный срок. Такие катехумены уже назывались «христианами» после внесения своего имени в списки, они могли присутствовать на Литургии оглашенных, вечерне и утрени, других службах, но многие из них довольствовались такой ситуацией практически всю жизнь, не стремясь к принятию крещения. Епископы неустанно протестовали против таких искажений древней практики, подчеркивая, что нося лишь имя, в действительности такие катехумены не были христианами, так как не пережили обращения ко Христу... На Западе существовал обычай, согласно которому на праздник Богоявления катехумены, желающие принять крещение в ближайший праздник Пасхи, записывали свои имена в особый список. Мы видим великую скорбь св. Амвросия Медиоланского, который, ссылаясь на евангельское повествование о чудесном улове рыбы (Лк. 5, 4—5), замечает: «Господи, я также знаю, что, если Ты не повелеваешь, то для меня ночь. Никто еще не записал своего имени, до сих пор для меня ночь. Я забросил сеть слова на Богоявление, и я еще не поймал ничего».⁵² Св. Василий Великий также настойчиво призывает катехуменов принять Таинство крещения: «Будучи катехизируемыми с юности, разве до сих пор вы не выразили своего согласия истине? Вы, не прекращающие учиться, разве до сих пор не достигли знания? Вы, наслаждающиеся жизнью, исследующие ее до старости, окончите ли это, став христианами? ... Мы призываем вас к жизни, почему же вы бежите от этого призыва? ... Дайте ваши имена, запишитесь в список Церкви ... Запишитесь в эту книгу, чтобы быть записанными в Книгу небесную... Умрите для греха; распнитесь со Христом; принесите всю вашу любовь Господу».⁵³ Т. о. перед нами кардинальное изменение ситуации по сравнению с тем, что мы видели у св. Ипполита Римского в начале III в. В то время катехумены, учась в течение трех лет жить по-христиански и ревностно желая своим усердием сократить этот срок, неустанно стремились к принятию Таинства. Через полтора века

⁵¹ Блаж. Августин, Проп. 47, 17.

⁵² Св. Амвросий Медиоланский, Толк. на Лк. 4,76.

⁵³ Св. Василий Великий, проп. 13 о св. Крещении 1,3,7.

уже епископ должен был (тщетно!) призывать их принять крещение на ближайшую Пасху.

Такое откладывание крещения было вызвано не только ложными мотивами прихода в Церковь, но часто и высотой требований истинной христианской жизни по Евангелию, которая многим казалась недостижимой. Часто крещение откладывалось до момента тяжелой болезни или даже до смертного часа, т. к. человек хотел очиститься от бремени своих грехов в крещении непосредственно перед смертью, чтобы по возможности более незапятнанным (как он считал) предстать перед Богом. Против такого понимания выступает св. Иоанн Златоуст: «разве не высшая глупость откладывать принятие дара? Слушайте, катехумены, и вы, откладывающие свое спасение до последнего вздоха».⁵⁴ Действительно, этот обычай наиболее остро демонстрирует разницу с катехуменатом во II—III вв. Звание катехумена, очевидно, уже не имело того глубокого значения, которое оно несло столетием ранее.

Однако, несмотря на то, что в IV в. было много катехуменов, но не все из них были искренне обращенными, епископы христианской Церкви тем не менее не переставали бороться за чистоту и искренность принятия крещения. Они выступали не только против откладывания крещения, но и против искушения священников допустить ко крещению тех, кто якобы имел веру, но не жил по-христиански. Сталкиваясь лицом к лицу с нарушением древней практики, святители Церкви неустанно провозглашали традиционное учение о том, что крещение должно преподаваться имеющим веру и живущим согласно этой вере, откуда следовала необходимость сохранения института катехумената. Св. Василий Великий пишет: «Вера и крещение — это два образа спасения, родственного происхождения и нераздельные. С одной стороны, вера совершенствуется крещением, с другой стороны крещение основано на вере».⁵⁵ Ему вторит св. Афанасий Великий: «Спаситель заповедал не только крестить, он повелел вначале «учить», затем «крестить», чтобы научение породило истинную веру и уже с верой мы могли бы принять Таинство».⁵⁶ Это требование определенной зрелости в вере перед принятием крещения требовало, очевидно, серьезной предкрещальной катехизической подготовки. Однако было живо еще и понимание того, что вера, дающая доступ к источнику вечной жизни — крещению, не может быть мертвой верой, а должна сопровождаться деятельной любовью. Блаж. Августин написал целый труд «О вере и делах», в котором осуждается практика крещения отказывающихся жить по христианским заповедям: «Есть люди, которые полагают, что все без исключения должны быть допущены к источнику перерождения, который в Господе нашем Иисусе Христе, даже те, кто будучи известен своими преступлениями и ужасными пороками, не желают изменить свои злые и постыдные пути, а честно (и публично) признают, что они намерены продолжать пребы-

⁵⁴ Св. Иоанн Златоуст, Крещальное наставление (PG 59,115).

⁵⁵ Св. Василий Великий, О Святом духе, 12,28.

⁵⁶ Св. Афанасий Великий, Втор. речь против Ария, 3

вать в своем состоянии греха».⁵⁷ Он пишет далее в этом же тексте: «С помощью Господа Бога будем усердно остерегаться впредь давать людям ложную уверенность, говоря им, что если только они будут крещены во Христа, то независимо от того, как они будут жить в вере, он достигнут вечного спасения».⁵⁸ В качестве примера такого недостойного принятия крещения св. Кирилл Иерусалимский приводит Симона волхва, распространяя толкование этого места из книги Деяний на всех катехуменов вообще: «Приступил некогда к купели Симон волхв; крестился, но не просветился; тело омыл водою, но сердце не просветил духом, тело входило в купель и вышло из нее, а душа не спогреблась Христу и не совопала с Ним... Если же ты останешься в злом произволении своем, то проповедующий тебе не будет виноват, а ты не надейся получить благодать. Вода тебя примет, но Дух не примет».⁵⁹ Об опасности крещения неподготовленных кандидатов предупреждает и св. Григорий Нисский: «Если омывается тело, в то время как душа не омыла пятен своих страстей, и жизнь после крещения — такая же как и ранее, было бы смело сказать, я скажу это и не отступлю, в таких случаях вода — это вода, дар святого Духа никогда не появится в том, что происходит: порочность души оскорбляет образ Божий».⁶⁰

Итак, из этих свидетельств видно, что в IV—V вв. епископы постоянно настаивали на неотступном соблюдении древнехристианских принципах допуска ко крещению, хотя современная им ситуация легко подвигнуть к формальному взгляду на него. Вероятнее всего, священники в общинах действительно злоупотребляли сложившемся положением, и именно поэтому были необходимы все эти епископские увещевания. Церковь пыталась сохранить баланс между милостью и небрежностью. Блаж. Августин отчетливо понимал, что донатизм с его желанием создать «Церковь чистых» был настолько же опасным как и отказ от строгой церковной дисциплины. Поэтому в пастырской практике было необходимо сочетать твердость и благость, не становясь ни «бездействующим во имя терпения, ни жестоким под предлогом ревности».⁶¹

Пытаясь сохранить институт катехумената в IV—V вв., Церковь была вынуждена изменить его продолжительность и структуру. Большинство родителей вносили своих детей в списки катехуменов сразу же после рождения, и т. о., вырастая, они могли находиться в этом своего рода «подвешенном» состоянии очень долго. Тем самым имя «катехумен» постепенно утратило то значение, которое оно имело во II—III вв., т. е. прохождения двух- или трех-летней подготовки ко крещению. Катехумены могли участвовать или не участвовать в литургии оглашенных в зависимости от степени своего благочестия и духовной ревности. Уже не существовало какого-то наблюдения за ними со стороны специально назначенных для этого «учителей» в особо

⁵⁷ Блаж. Августин, О вере и делах, 1,1

⁵⁸ Там же 26, 48

⁵⁹ Св. Кирилл Иерусалимский, Поучение предогласительное, 2.

⁶⁰ Св. Григорий Нисский, Катехиз. проповедь 40.

⁶¹ Блаж. Августин, О вере и делах, 5,7.

структурированных группах, как это мы видели в III в. у св. Ипполита Римского. При чтении христианских авторов IV в. возникает ощущение, что Церковь пыталась «подтолкнуть» кандидатов к скорейшему принятию крещения вместо того, чтобы создать достаточно длинный период подготовки, во время которого можно было бы содействовать духовному росту обращающегося.

С другой стороны, исчезновение фиксированного срока катехумената содействовало тому, что в случае обращения взрослого его крещение могло совершаться довольно быстро после его формального вступления в катехуменат. Этому способствовало то обстоятельство, что многие образованные язычники уже могли быть знакомы с текстом христианского Священного Писания, как следует из слов блаж. Августина: «Если к тебе приходит просящий крещения, получивший классическое образование... вероятно, он знает уже много отрывков из нашего Писания»⁶².

Однако как следует из ранее рассмотренных свидетельств свв. отцов, Церковь никоим образом не желала отказаться от катехумената как такового, признавая его принципиальную необходимость и отказываясь от практики крещения взрослых без предварительной подготовки. Все это привело к созданию новой системы катехумената, более короткого по времени и непосредственно предшествовавшего принятию Таинства Крещения. Церковь связала его с Великим Постом, время которого постепенно стало предназначаться для этого интенсивного предкрещального научения, по окончании которого следовало торжественное крещение в пасхальную ночь.

Блаж. Августин описывает вступление в этот катехуменат следующим образом: «После наставления ты должен спросить его, верит ли он во все это и желает ли он соблюдать сии слова. Если он отвечает положительно, ты должен знаменовать его (знамением креста), совершив подобающую церемонию и поступить с ним по обычаю Церкви».⁶³ В указанную церемонию входило, возможно, торжественное исповедание веры и отречение от прошлого идолослужения.⁶⁴ Период Великого поста начинался торжественным внесением в списки их имен, что рассматривалось в качестве обновленного, теперь уже «осознанного» чина вступления в катехуменат, сопряженного с истинным обращением. Вписавшие свои имена в списки готовящихся принять крещение в ближайший праздник Пасхи должны были в течение нескольких недель совершить то, для чего столетие назад им потребовалось бы два или три года. О том, как происходило вступление в катехуменат в Иерусалиме, мы читаем ок. 400 г. у Эгерии, описывающей свое паломничество в Иерусалим: «Мне следует сказать еще и о том, как наставляют тех, которые будут крещены на Пасху. Они должны дать свои имена перед первым днем поста и пресвитер записывает все имена перед началом восьми недель, которые здесь

⁶² Блаж. Августин, *De cat. rud.* 8,12.

⁶³ Там же, 26, 50.

⁶⁴ Блаж. Августин, *Contra Cresc.* 2,5,7.

длится пост,⁶⁵ как я говорила вам. Когда священник соберет имена, во второй день поста, в начале восьминедельного периода, поставляется епископская кафедра посреди Великой Церкви в Мартириуме, священники сидят на скамьях по обе стороны от нее, а остальные клирики стоят. Тогда ищущие крещения приводятся по одному: мужчины — с их (крестными) отцами, женщины — с их (крестными) матерями. Когда они приводятся, епископ спрашивает их соседей о них: «Ведет ли этот человек хорошую жизнь? Уважает ли он родителей? Не пьяница ли он и не хвастун?» Он спрашивает обо всех серьезных человеческих пороках. И если в результате опроса он видит, что этот человек не совершил ни одного из таких преступлений, он сам записывает его имя; но если некто виновен, то ему повелевают уйти; епископ говорит ему, что он должен исправить свои пути, перед тем как приступить к источнику. Он спрашивает об одном и том же мужчин и женщин. И не легко пришедшему приступить к крещению, если у него нет свидетелей, знакомых с ним».⁶⁶ Из текста видно, что это испытание нравственной жизни довольно серьезно и полностью соответствует тому, что мы видели в «Апостольском Предании» в начале III в. О наличии подобного чина в Антиохии в то же самое время перед лицом народа Божьего говорит и Феодор Мопсуестийский: «Желающий приступить к дару святого крещения пусть будет представлен Церкви Божьей. Его примет ответственный за это, в соответствии с обычаем, установленным для внесения в список тех, кто желает принять крещение. Он должен научить его нравственности. Эту роль в отношении крещаемых исполняет человек, называющийся поручителем (гарантом). Он, облеченный этой обязанностью, вписывает свое имя в книгу Церкви и добавляет имя свидетеля или священника города или общины».⁶⁷ В этом тексте идет речь о наличии своего рода «крестных родителей», которые могли засвидетельствовать истинность обращения катехумена и его готовность к крещению.

Пост был временем вероучительного и нравственного наставления, чему служили регулярные проповеди, обращенные к кандидатам. Этерия подробно описывает нам то, как это происходило в Иерусалиме: «У них здесь есть обычай, согласно которому готовящиеся к крещению во время Великого поста заклиняются клириками утром, непосредственно после утреннего отпуста в Храме Воскресения. После него поставляется епископская кафедра в Великой Церкви, в Мартириуме, и все готовящиеся к крещению, мужчины и женщины, садятся вокруг него... любой из народа, желающий послушать (конечно, только верные) может прийти и сесть, хотя катехумены не входят,⁶⁸ пока учит епископ. Предмет его поучения — закон Божий; в течение сорока дней он проходит по всей Библии, начиная с книги Бытия, и сначала объясняет буквальное значение каждого отрывка, а затем толкует его духовно».⁶⁹ В

⁶⁵ Суббота и воскресенье не входили в число постных дней.

⁶⁶ Паломничество 45.

⁶⁷ Феодор Мопсуестийский, Проповедь 1-я на крещение, 14.

⁶⁸ Подразумеваются те катехумены, которые не будут крещены на Пасху.

⁶⁹ Литургический остаток этой практики — чтение Священного Писания Ветхого Завета на 6 часе и вечерне во время Великого Поста.

это время он также научает их всему в отношении Воскресения и веры. И это называется катехизис. После пяти недель наставления они принимают Символ веры, содержание которого он подробно объясняет тем же образом, как он изъяснял Писание: сначала буквально, а затем духовно... Научение Писанию происходит с шести до девяти часов каждое утро в течение поста, три часа катехизации в день... В девять их отпускают, что составляет три часа поучения в день в течение семи недель». ⁷⁰ К этому толкованию Символа веры некоторые Церкви, особенно на Западе, добавляли и толкование молитвы Отче наш. Здесь происходила «передача» (*traditio*) катехуменам Символа веры и Молитвы Господней через епископа, а через некоторое время (обычно через неделю) их «возвращение» (*redditio*): катехумены читали их вслух и наизусть во время богослужения перед лицом собравшейся общины, литургически удостоверяя тем самым о принятии этих текстов в свое сердце.

В течение этого периода подготовки Церковь не только наставляла крещаемых, но и укрепляла их (в некоторых областях — ежедневным) экзорцизмом. Обряды, совершавшиеся во время этого «непосредственного» катехумената, упоминает и один африканский епископ, рассматривая их как пищу, которой Церковь-Мать кормит своих детей: «Все священные обряды, совершаемые для вас служителями рабов Божьих: экзорцизмы, молитвы, псалмы, дуновения, власяница, склонение главы, коленопреклонение... все это, как я сказал, есть пища, которую ваша Мать дает вам в своем чреве, чтобы она могла возродить вас в водах крещения и представить вас Христу ликующих радостью». ⁷¹ Интересно, что катехизические наставления продолжались и после совершения крещения, когда неофиты ежедневно приходили в храм в течение Светлой седмицы, чтобы услышать толкование значения Таинств, которые они приняли. В результате этого возникли т. н. «тайноводственные поучения» или мистагогические катехизисы, которые, согласно Эгерии, вызывали большой интерес: «Новокрещенные приходят в храм Воскресения, как и верные, желающие услышать (значение) мистерий; но так как учит епископ, то сюда не входят катехумены, и двери остаются закрытыми, чтобы никто не вошел. Епископ объясняет, что было сделано и толкует это. Когда он заканчивает, аплодисменты настолько громкие, что их слышно за пределами церкви». ⁷² Епископ толковал т. о. различные составляющие чина крещения, чтобы помочь новокрещеным как можно глубже осознать значимость того, что они пережили. К этому добавлялось акцентирование нравственных требований жизни во Христе, т. к. путь нравственного совершенствования только начинался после принятия Таинства Крещения. Поэтому св. Иоанн Златоуст пишет: «Ты будешь называться неофитом не только в течение двух, трех, десяти или двадцати дней, но ты будешь носить это имя и

⁷⁰ Паломничество 46.

⁷¹ *Quodvultdeus, De Symb.* 3,1.3 (CCL 60,349).

⁷² Паломничество 47.

через десять, двадцать или тридцать лет, фактически в течение всей своей жизни».⁷³

Конечно, такая ситуация была не во всей империи, и ввиду того, что некоторые катехумены постоянно отлагали момент своего крещения, Цезарий Арльский свидетельствует, что внесение имени в список желающих принять крещение происходило иногда всего «за несколько дней до Пасхи».⁷⁴ Мы видим в IV—V вв. очевидное снижение уровня «внутренней» подготовки ко крещению по сравнению с практикой, описанной св. Ипполитом Римским. Для святителя, например, было бы абсолютно неприемлемо обращаться к записавшим свои имена в список желающих принять крещения в ближайший праздник Пасхи за несколько недель до принятия Таинства с призывом очистить намерения и изменить образ жизни. Но такое положение вещей мы встречаем через полтора столетия в «Предогласительном поучении» св. Кирилла Иерусалимского. Из текста следует, что если даже катехумены и получали какие-то наставления, души их еще не просветились оживотворяющим действием слова Божьего: «Ибо мы, служители Христовы, приняли каждого из вас. Если вы рассматриваете нас как своего рода привратников, то мы оставили дверь незатворенной. Итак, ничто не препятствует тебе войти сюда и с душой, покрытой грязью грехов, с нечистым намерением... Если душа твоя облечена в одежду сребролюбия, то войди, одевшись иначе: скинь одежду прежнюю, скинь одежду любоострастия и нечистоты и облекись в светлую одежду целомудрия. Много тебе на это времени, сорок дней ты имеешь для покаяния... Ты назывался оглашенным, будучи оглашаем извне. Слушал слово об уповании и не знал его; слушал тайны, и не разумел их; слушал Божественное писание и не постигал его глубины. Теперь уже оглашение произносится не извне, но внутрь тебя».⁷⁵ Схожим образом всего за тридцать дней до крещения св. Иоанн Златоуст был все еще вынужден призывать кандидатов к нравственному обращению, что было бы немыслимо во II—III вв.: «Молодые атлеты, стадион открыт, вот зрители в амфитеатре, перед ними — Возглавляющий состязание. Итак, здесь нет середины: либо вы падете, как трусы, и будете покрыты позором, или же вы будете действовать смело и выиграте венец с наградой. Подобным образом, эти 30 дней — время борьбы, ученичества, упражнений».⁷⁶ Интересен и характерен для того времени предкрещальный вопрос, вкладываемый в уста епископа в т. н. «Канонах Ипполита» (ок. 360): «Колелблешь ли ты, или отступаешь из-за страха по поводу того, что могут сказать люди?».⁷⁷

Однако и в таких сложных условиях мы видим принципиальность отношения архипастырей Церкви к необходимости веры для принятия Таинства. Тот же св. Иоанн Златоуст четко говорит: «Ты до сих пор сомневаешься в божестве Иисуса Христа? Тогда уйди, более не слушай святое слово и вы-

⁷³ Св. Иоанн Златоуст, Наставл. к просвещ. 5, 20.

⁷⁴ Цезарий Арльский, Проповедь 200,2.

⁷⁵ Поучение предогласительное 4, 6.

⁷⁶ Св. Иоанн Златоуст, Наставл. к просвещ. 4.

⁷⁷ Канон 19.

черкни свое имя из списка катехуменов. Но если ты веришь во Христа, Бога и человека, и если ты уверен в отношении религии, то к чему этим отсрочки, эти откладывания и это небрежение?».⁷⁸ Заслуга епископов IV—V вв. заключалась в том, что они смогли умело организовать «великопостный катехуменат», чтобы и в изменившихся условиях иметь возможность контроля за вступлением в Церковь новых членов. Из всего сказанного видно, что катехизическая система III в. сохранилась и через сто лет, однако прежние требования для вступления в катехуменат были перенесены на начало Великого поста. Этот период был полностью посвящен интенсивной и серьезной подготовке кандидатов ко крещению. Таким образом, Церковь показала единство своего учения о крещении и практики приема новых членов, не отступая от заповеди Спасителя «идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа» (Мф. 28, 19). Важной особенностью данного периода является тот факт, что катехизические стадии духовного роста сохранили и развили свое литургическое оформление, будучи тем самым непосредственно связанными с богослужебной жизнью христианской Церкви. Церковь своей практикой четко подчеркивала, что sacramентальный акт таинства Крещения как таковой не является чем-то просто магическим или автоматическим. Святые отцы (часто используя слова Спасителя «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями» (Мф. 7, 6)) постоянно и неустанно подчеркивали, что крещение — это сверхъестественный дар Божий. Именно поэтому обладающая им Церковь, не может безразлично передавать его кому бы то ни было, всегда требуя от кандидата живой веры и отказываясь преподавать это Таинство без предварительного удостоверения качества и жизненности обращения. Однако речь шла не просто о строгом контроле. Наоборот, христианские епископы, пресвитеры, специально назначенные «учителя», занимавшиеся катехизической работой, всегда делали все возможное, чтобы помочь возрасти этой вере. Катехуменат был тем реальным сообществом, в котором вера возрастала в течение длительного периода времени.

Что касается дальнейшей истории развития катехумената, то на фоне увеличивающегося числа крещений младенцев он постепенно начал исчезать, начиная со 2 пол. V в. — нач. VI в. Ориентированный на сознательную подготовку ко крещению взрослых, в такой изменившейся ситуации он как особый институт, очевидно, не мог существовать в том же объеме, как и раньше.

В данной статье мы попытались указать на наиболее важные богословские и пастырские аспекты возникновения и развития катехумената в I—V вв. Сегодня проблема подготовки взрослых ко крещению стоит в нашей Церкви, вероятно, еще более остро, чем в рассмотренный исторический период. Здесь нет нужды и места указывать ни на часто встречающиеся на приходах пастырские упущения в этом вопросе, ни на удачные положительные примеры осуществления такой работы (к сожалению, не слишком многочисленные). Они всем известны, и рассмотрение нынешней ситуации выходит за рамки статьи. Хотелось бы только пожелать, чтобы все мы, и клирики и

⁷⁸ Св. Иоанн Златоуст, Проп. на Деян 1, 8.

міряне Православної Церкви — той Святої Церкви, в якій живо апостольське і святоотеческе предання, пам'ятали про ту важливу частину святоотеческих поучень, про ту пастырську практику, існуючу в давній Церкві і розглянутій в цій статті, яка називалася «катехуменат». І при цьому були б «не слухачем забувчим, а виконавцем справи» (Іак. 1, 25; ср. Рим. 2, 13).